

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.18>

Магомедова Юлия Станиславовна

МИМЕСИС ПЛАТОНА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

В статье представлен анализ трактовок понятия "мимесис" (??????), традиционно переводимого как "подражание". Показано, что при обращении к догматической традиции прочтения Платона мимесис понимается исключительно как эстетическая категория или понятие, относящееся к теории искусства, - в данном случае диалог рассматривается как трактат, в котором выражены авторские мысли и позиции. Обращение же к драматическому прочтению Платона, при котором акцент переносится на формальный, структурный компонент, позволяет трактовать мимесис как стратегию, метод, которым пользуется философ. Автор статьи приходит к выводу о том, что драматическое прочтение позволяет обнаружить дополнительные смыслы трактовки платоновского мимесиса и его роли в диалогах, значительно обогащает интерпретацию текста, однако чревато неоправданной модернизацией учения философа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 90-93. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)141.131

Дата поступления рукописи: 16.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.18>

В статье представлен анализ трактовок понятия «мимесис» (μίμησις), традиционно переводимого как «подражание». Показано, что при обращении к догматической традиции прочтения Платона мимесис понимается исключительно как эстетическая категория или понятие, относящееся к теории искусства, – в данном случае диалог рассматривается как трактат, в котором выражены авторские мысли и позиции. Обращение же к драматическому прочтению Платона, при котором акцент переносится на формальный, структурный компонент, позволяет трактовать мимесис как стратегию, метод, которым пользуется философ. Автор статьи приходит к выводу о том, что драматическое прочтение позволяет обнаружить дополнительные смыслы трактовки платоновского мимесиса и его роли в диалогах, значительно обогащает интерпретацию текста, однако чревато неоправданной модернизацией учения философа.

Ключевые слова и фразы: Платон; мимесис; драматическое прочтение; метод; интерпретация; ирония; диалог; эстетика.

Магомедова Юлия Станиславовна

Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

yulia15051988@mail.ru

МИМЕСИС ПЛАТОНА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

В настоящее время существует несколько традиций прочтения Платона. В целом представителей разных подходов можно поделить на догматиков и антидогматиков (эзотериков) или на сторонников писаного и неписаного учения [5, с. 43, 47]. Иногда эзотеризм можно рассматривать как один из вариантов более общей методологической установки, которую А. В. Серегин обозначает как «диалогический» или «драматический подход». Сторонники этой позиции объединяет убеждение, что платоновские диалоги следует воспринимать, прежде всего, как литературные тексты, написанные в драматической форме. Традиционная догматическая интерпретация диалогов, с этой точки зрения, вносит искажение в наше понимание Платона, поскольку предлагает интерпретировать их так, как если бы они были философскими трактатами и предназначались в первую очередь для изложения философских взглядов их автора. Остановимся подробнее на каждом из подходов и посмотрим, как трансформируется понимание платоновского мимесиса (μίμησις), традиционно переводимого как «подражание», в зависимости от той или иной интерпретационной стратегии.

1. Догматизм

По сути, сторонники данной традиции рассматривают диалог Платона как трактат, в котором открыто выражены авторские мысли и позиции. Среди отечественных исследователей представителем подобного подхода можно считать А. Ф. Лосева. Это подтверждается тем, что в платоновских диалогах Лосев усматривает определенную концепцию подражания, то есть доктрину, которую необходимо выявить. При этом задача исследователя сводится к конструированию «в логической и систематической последовательности разных пониманий» мимесиса, встречающихся в диалогах Платона [1, с. 36]. Лосев отмечает, что для теории подражания основополагающее значение имеет третья книга «Государства», а в десятой, как полагает исследователь, Платону дается «логическая структура правильного понимания подражания». Анализируя содержание этих книг, Лосев приходит к выводу, что платоновская концепция подражания, представленная в «Государстве», не отличается ясностью, что уточнение в нее могут внести такие диалоги, как «Кратил» и «Софист» [Там же, с. 29]. По его мнению, в этих диалогах концепция подражания представлена шире, чем в «Государстве». Наиболее же ясно излагается теория мимесиса в диалоге «Тимей», где представлена космология Платона и где подражание становится самым принципом бытия: бесформенная материя оформляется (становится огнем, водой, воздухом и т.п.) только потому, что все является подражанием идеям и истинно сущему. Лосев приписывает Платону сомнение в решении вопроса о природе мимесиса и сожалеет о том, что философ, усматривая в подражании область субъективных и недостойных выдумок, мало говорит о «правильном» виде подражания.

Каждый платоновский текст, в котором говорится в какой-либо связи о мимесисе, оценивается Лосевым с точки зрения приближения к ясной концепции подражания [Там же, с. 38]. Несомненным достоинством лосевского анализа является масштаб охвата – проанализированы все диалоги Платона, крайняя подробность – упоминаются даже случаи «неспециального», нефилософского использования понятия «мимесис», а также выявление ключевых смыслов подражания, встречающихся в диалогах Платона. Недостатком же, на наш взгляд, является игнорирование тех смыслов мимесиса, о которых в тексте не говорится прямо, но которые, тем не менее, можно выявить. Например, внимание к художественным элементам, которое отдается Лосевым на откуп литературоведению, может значительно обогатить наше понимание платоновского учения о мимесисе. То есть он работает с диалогами исключительно как с философскими трактатами, написанными в монологической форме. В данном случае мимесис понимается исключительно как эстетическая категория или понятие, относящееся к теории искусства.

Подобный методологический принцип можно обнаружить в работе Джессики Мосс [7]. Автор приписывает Платону два типа обвинений в адрес поэтов и живописцев – «метафизическое» и «этическое», причем первое используется, по ее мнению, лишь для оправдания второго [Ibidem, p. 415]. Цель работы – показать

взаимосвязь между этими двумя типами обвинений, выявить признаки, по которым Платон различает подлинное, действительное и кажущееся, мнимое в разных сферах. Дж. Мосс полагает, что нападение Платона на поэзию тесно связано с его этическими и метафизическими взглядами, которые опять же можно реконструировать, анализируя диалоги. Однако Дж. Мосс не задается вопросом, почему Платон не проецирует обвинение на себя – обвинение распространяется лишь на поэтов и живописцев. На наш взгляд, это – один из главных вопросов, требующих разрешения или хотя бы комментария.

2. Антидогматизм (эзотеризм)

Догматическому подходу прямо противоположен эзотерический, основателем которого является Г.-И. Кремер. Один из его последователей – Дж. Н. Финдли – в своей работе «Платон: писанные и неписанные учения» приходит к выводу, что у Платона не было доктрины и системы, что его философия выражалась не в диалогах, а в устном тайном учении, реконструировать хотя бы отчасти которое можно лишь на основании комментаторов Платона [6]. В свете данной интерпретационной стратегии, явно антидогматической, попытки интерпретации темы мимесиса и критики искусства даже не предпринимаются, так как авторы полагают, что мы имеем дело с Платоном испорченным, недостойным серьезного изучения.

3. Диалогизм

Чаще всего объектом диалогической интерпретации являются внетекстуальные факторы – авторские намерения, мотивы и т.п. Предполагается, что высказывания, к примеру, Сократа могут не отражать авторскую позицию, но вводятся часто для того, чтобы побудить читателя задуматься над правильностью его точки зрения. Эта позиция, в отличие от антидогматизма, не ведет к отрицанию возможности восстановить философские взгляды Платона, исходя из текста диалогов. «Диалогические» интерпретаторы полагают, что сам Платон дистанцируется от того, что говорит в диалогах, поэтому для реконструкции его собственной точки зрения необходимо вычитывать из текста определенные смыслы, на основании которых можно, тем не менее, прийти к вполне однозначным выводам. Из современных «драматических» платоноведов наиболее известны Ч. Кан, Дж. Пресс, В. Тахер, но в данной статье мы остановимся на интерпретации темы мимесиса, представленной отечественными исследователями И. А. Протопоповой и Е. А. Маковецким.

Само название работы Протопоповой – ««Государство» Платона – идеальный мимесис?», – говорит о том, что автор не совсем обычно трактует платоновское подражание [4]. Интерпретация дается на основе концепции изоморфизма, под которым Протопопова имеет в виду параллелизм содержания и структуры диалогов. В отличие от А. Ф. Лосева и Дж. Мосс, обращающих внимание прежде всего на содержательную часть диалогов, здесь акцент переносится на формальный, структурный элемент. Сторонники догматического подхода исходят из того, что философия Платона носит системный характер, и пытаются решить проблему противоречия и неполноты с помощью концепции «развития»: по их мнению, учение Платона развивалось, и разные этапы этого развития отражены в разных диалогах. Но это требование никак не удается примирить с самой драматической формой диалогов, с формой изложения и подачи материала. Сторонники «драматической» стратегии предлагают читать диалог именно как диалог и учитывать, кто из персонажей, кому и в каком контексте что говорит. По их мнению, для адекватного понимания платоновских текстов важно учитывать не только концептуальное содержание высказываний персонажей, но и весь драматический контекст диалога, в котором эти высказывания делаются. Они допускают, что мы можем установить философскую позицию автора, но исходя не столько из логического анализа высказываний протагониста, сколько из комплексного и прежде всего литературного анализа диалога как целого.

Так, Протопопова, исходя из данной стратегии, согласна с тем, что форма диалога выбрана не случайно, что она отражает практики философствования, заданные Сократом. Отсюда – убеждение, что мы не приблизимся к верному пониманию платоновского мимесиса до тех пор, пока не проявим суть метода, способа рассуждения, который в свою очередь непосредственно связан с содержанием. Можно выделить следующие методологические установки Протопоповой:

1. В диалогах Платона огромную роль играет *эленхос* – испытание собеседника на непротиворечивость позиции (от греч. *ἐλεγχος* – доказательство, исследование).
2. Внутри диалогов заложена конструктивная парадигма, которая задает строение текста.
3. Диалоги Платона устроены таким образом, что их подлинный смысл предполагает особую мыслительную работу читателя, результатом которой будет «диалектическое прозрение» [Там же, с. 97].

Протопопова показывает, как принцип изоморфизма воплощается в диалоге «Государство». Именно этот принцип является основой для особой интерпретации платоновского учения о мимесисе, следствием которой является переоценка и трансформация содержательной части диалога. Так как Протопопова исходит из того, что Платон хотел вызвать у читателя определенную реакцию, что интересующие его задачи решаются опосредованно, то есть не столько через эксплицитное содержание высказываний персонажей, сколько через предполагаемую нарочитость противоречий (обвиняет поэтов в подражании, а сам только и делает, что подражает), драматические приемы и т.п., то мимесис начинает рассматриваться не только на уровне внутритекстовом, но и на метауровне – как бы за пределами диалога. Мимесис становится в таком случае не только понятием, эстетической категорией, но и стратегией действия, методом, которым пользуется философ.

Исследователь обращает наше внимание на тот факт, что на протяжении всего диалога используется метафора живописи при создании собеседниками воображаемого, идеального государства [Там же, с. 94]. Однако при этом настоящие живописцы подвергаются насмешкам и осуждаются как подражатели третьей степени, создающие призраки, а не вещи. Особенно важным, по мнению Протопоповой, является замечание Адиманта из второй книги «Государства» о том, что видимость обычно пересиливает истину, для чего

следует «прежде очертить вокруг себя живописное изображение добродетели», а затем выгащить изворотливую лисицу Архилоха. Протопопова здесь усматривает намек на то, что Платон говорит с нами эзоповым языком. Также она призывает обратить внимание на то, что сам Платон оправдывает ложь, если речь идет о благе государства [Там же, с. 95]. Лгать же разрешается как раз философам – правителям государства. А ложь в данном контексте означает мимесис в словах, в речи.

И если мы допустим, что автор позволяет себе словесный мимесис, то должна принципиально измениться позиция читателя: он должен как бы принять платоновские правила игры и рассматривать текст как своего рода провокацию.

Итак, данная интерпретационная стратегия позволяет выявить дополнительный оттенок мимесиса, а именно методологический. То есть, мимесис будет одним из важнейших принципов изложения философских взглядов Платона, его главной стратегической установкой. Но при этом обесценивается в определенном смысле содержательная часть диалога, что приводит к фактическому игнорированию всей концептуальной сложности сформулированных Платоном теорий и аргументов. Результатом такого подхода, на наш взгляд, является вовсе не обогащение понимания Платона, а произвольное приписывание философу намерений и мотивов, которые якобы нужно «вычитать» из текста, полагаясь по большому счету лишь на субъективную интуицию. Например, в четвертой книге читатель должен видеть лишь пародию на обвинителей Сократа, «перенастроив» собственное восприятие, а в пятой книге, где говорится об общности жен – переключку с комедией Аристофана. Короче говоря, предлагается прочитывать многие пассажи «Государства» как комедию.

Также следствием подобной интерпретации является претензия автора на то, что ей первой удалось «подняться с уровня восприятия стражей до уровня философов» и по-настоящему понять Платона, тогда как все остальные не улавливали его намеков и не осознавали «иллюзорности собственных представлений о подлинном и мнимом» [Там же, с. 99]. Однако исследование имеет несомненное достоинство – оно вносит живую струю в традиционное представление о платоновском подражании, как бы призывая нас не ограничиваться в трактовке подражания лишь содержательной частью диалогов.

В работах Е. А. Маковецкого также переосмысливается содержание диалогов [2; 3]. Так, диалог «Государство» трактуется лишь как средство, как повод для «утверждения ключевого принципа онтологии» [2, с. 58]. Имеется в виду, что для Платона не существует два «параллельных» мира – вещей и идей, что данное разделение – лишь гносеологическая процедура. Нам удалось выделить следующие методологические установки Маковецкого:

- 1) диалогическая форма выбрана Платоном для того, чтобы обезопасить свои тексты от всевозможных однозначных интерпретаций;
- 2) исследователь должен опасаться буквалистского прочтения Платона, так как в данном случае он будет больше думать о собственных теориях, чем о философе;
- 3) главный метод Платона – ирония.

Маковецкий говорит о том, что Платон, как гераклитовская природа, любит скрываться, так как прежде всего он – ироник [Там же, с. 45]. Причем скрываться он любит, «как умелые хитрецы», на самом видном месте. Маковецкий считает, что государство Платона – это некий «мысленный эксперимент», который предпринимается исключительно для определения справедливости. В качестве доказательства он приводит слова Сократа из второй книги «Государства» о необходимости исследования справедливости на примерах разных государств, а затем уже в отдельном человеке. Мимесис в данном случае выступает как «законный ход» самого Платона. То есть как прием, который используется для достижения определенных целей, а именно для выявления ценностного статуса справедливости. Маковецкий, как и Протопопова, убежден, что «Государство» ни в коем случае нельзя рассматривать как утопическую концепцию общества, если мы хотим обезопасить себя от «дисциплинарно-буквалистской» традиции, когда Платона рассматривают как основателя какой-нибудь из наук, появившихся в XIX–XX веках. Так, в политологии или социологии принято считать Платона теоретиком идеального государства и обращать внимание на те книги «Государства», в которых рассматриваются типы государственного устройства, игнорируя при этом те книги, в которых речь идет, например, о справедливости, идеях, мимесисе и т.п. Маковецкий полагает, что все рассуждения Платона о государстве предприняты вовсе не ради него самого [Там же, с. 50]. Так, если для Протопоповой главным методом философствования Платона является *эленхус*, испытание собеседника, то Маковецкий обращает внимание прежде всего на иронию. Он определяет иронию следующим образом: «Ирония – это некое смещение смысла, вызывающее легкую растерянность, тяжелую потерянность и... смех» [Там же, с. 51]. При этом подчеркивается, что ирония обязательно должна быть направлена на другого, ведь смех имеет социальную природу. Подразумевается, что этим «другим» является никто иной, как читатель. Именно на него направлена платоновская ирония. Маковецкий выделяет следующие типы иронии:

- 1) злая, или гносеологическая ирония;
- 2) добрая, или онтологическая ирония;
- 3) ирония о подражании;
- 4) ирония о философе и птице;
- 5) жанровая ирония.

Первый вид иронии, согласно Маковецкому, проявляется в том, что в дуализме Платона нет никакой онтологии, а есть лишь гносеология и педагогика. Это значит, что два мира – вещей и идей – вводятся Платоном исключительно для того, чтобы говорить о познании мира, а не о его генезисе. Если же платоновский мир

видится нам расколотым, и мы не учитываем ироничности рассуждений, то автоматически будем иметь дело с платонизмом для «напуганных школьников» [Там же, с. 55]. «Добрая» ирония используется Платоном для того, чтобы исследовать важные для него вопросы – как, например, в «Государстве» вопрос о справедливости. В этом случае государство выступает лишь как средство, как увеличительное стекло, через которое можно посмотреть на человека. Так, в человеке истинная справедливость не просматривается отчетливо, в реальном государстве – тоже, а вот в идеальном государстве, мысленном, ее уже можно будет разглядеть. Суть онтологической иронии заключается в том, что у Платона «нет никакого идеального государства, никогда не было и не будет». А диалог написан для того, чтобы «утвердить ключевой принцип онтологии» [Там же, с. 58].

Характеризуя третий вид иронии, Маковецкий говорит о том, что мимесис является «символом открытого космоса», в котором «властвует благо и возможно все, что во благо». Суть последней, жанровой иронии, заключается в подмене темы. То есть, заявленная тема не совсем согласуется с тем, что обнаруживается в содержании. Эта ирония оправдана невозможностью сказать о главном прямо. По Маковецкому, роль мимесиса у Платона чрезвычайно велика. На наш взгляд, в его трактовке подражание выступает как неизбежный метод самого философа. В основе же мимесиса лежит подобие как порядок космоса, который подразумевает причастность всего сущего к благу. А платоновское подобие понимается как то, что соединяет видимое и невидимое. При таком подходе мимесис теряет один из своих негативных оттенков – как подражания призракам, далеко отстоящим от подлинных вещей. Теряет не потому, что художники-подражатели не обладают знанием «относительно тех предметов, которые они изображают» – они действительно могут и не иметь верного мнения относительно вещей, – но важно то, что с них снимается обвинение в этом неведении и незнании. Ведь если главным критерием, который определяет причастность к подлинному бытию, объявлять пользу, применение на практике (*Rep.* 601 d), то, говорит Маковецкий, можно прийти даже к нелепому выводу о том, что конь лучше знает уздечку, чем наездник. Из этого следует, без учета ироничности рассуждений мы будем постоянно сталкиваться с противоречиями в тексте Платона. А ирония Платона в том, что художник и философ оказываются как бы в одной упряжке и в равной степени претендуют на роль обманщиков. Художник не осуждается за то, что он далек от идеи – он как раз-таки лучше других ее видит. Но так как идеи в чистом виде встретить невозможно, художник в силу необходимости будет изображать только призрак. Философ, в свою очередь, занимается тем же самым – изображает призраки, хотя и может знать, что такое справедливость. Однако устройство мира таково, что воплотить идею справедливости невозможно. Воплощение чело- веком справедливости не только абсурдно, но и опасно (как всяческие поэтические и живописные призраки), так как это – дело Бога [Там же, с. 82]. Но понять, разобраться в ней можно, достаточно подобрать для изображения соответствующий язык – подражание, мимесис. Таким образом, мимесис, согласно Маковецкому, является неизбежным принципом выражения – то, на что обречены и художник, и поэт, и философ.

Подытожим. Безусловно, у каждого из представленных подходов имеются свои достоинства. Платон, как хамелеон, меняет свою окраску в зависимости от способа прочтения: то перед нами серьезный, даже трагический философ, то ироничный художник, говорящий эзоповым языком. Возможно, имеет смысл найти нечто среднее между излишним буквализмом и модернизацией, некий общий знаменатель конфликтующих интерпретаций.

Список источников

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8-ми т. М.: АСТ, 2000. Т. 3. Высокая классика. 624 с.
2. Маковецкий Е. А. Мимесис в платоновском «Государстве» // Античный мимесис: сборник статей, посвященный памяти профессора Константина Андреевича Сергеева / ред. Е. А. Маковецкий. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008. С. 41-88.
3. Маковецкий Е. А. Подражание Платона, или Чем философ хуже художника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 60-64.
4. Протопопова И. А. «Государство» Платона – идеальный мимесис? // Логос. 2011. № 4 (83). С. 89-100.
5. Серегин А. В. Догматизм, антидогматизм и диалогизм в интерпретации Платона // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 37-76.
6. Findlay J. Plato: The Written and Unwritten Doctrines. L.: Routledge and Kegan Paul, 1974. 484 p.
7. Moss J. What Is Imitative Poetry and Why Is It Bad? // The Cambridge Companion to Plato's Republic / ed. by G. R. F. Ferrari. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 415-444.

PLATO'S MIMESIS IN THE CONTEXT OF VARIOUS INTERPRETIVE STRATEGIES

Magomedova Yuliya Stanislavovna
Glinka Novosibirsk State Conservatoire
yulia15051988@mail.ru

The article presents the analysis of the interpretations of the concept of mimesis (μίμησις) traditionally translated as “imitation”. It is shown that when referring to the dogmatic tradition of reading Plato, mimesis is understood exclusively as an aesthetic category or concept related to the theory of art – in this case, the dialogue is considered as a treatise, in which the author's thoughts and positions are expressed. The reference to the dramatic reading of Plato, when the emphasis is shifted to the formal, structural component, allows interpreting mimesis as a strategy, a method used by the philosopher. The author comes to the conclusion that dramatic reading helps to discover additional meaning of the interpretation of Plato's mimesis and its role in the dialogues, enriches the interpretation of the text significantly, however, it may lead to the unjustified modernization of the philosopher's teachings.

Key words and phrases: Plato; mimesis; dramatic reading; method; interpretation; irony; dialogue; aesthetics.